
К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРВЬЮ

В.В. Кочергина, И.А. Кочергина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Интервью писателя — всегда интерпретация его творчества. Это интересно и автору, и читателю. Исследуя проблему самоидентификации писателя, авторы статьи анализируют различные подходы к диалогу с писателем, где целью разговора-интервью является самораскрытие творческой личности.

Ключевые слова: самоидентификация, интервью, творческая личность, методология, рефлексия, творческая мастерская, автомиф, имитация диалога.

Вопросом самоидентификации личности изначально занимались философы, психологи и социологи, в настоящее время данная проблема находится главным образом в фокусе исследовательского интереса лингвокультурологии, а также филологии. Термин «самоидентификация» заимствован из психологии и понимается как процесс соотнесения «себя с собой», в результате которого формируются представления о себе как о самоотжественной, цельной и уникальной личности. «Отмечается, что данный процесс обусловлен влиянием экономических, политических, социальных факторов, а также национально-культурным самоопределением целой нации» [6. С. 67]. «В социологии под самоидентификацией принято понимать отождествление себя с определенной социальной группой, образом, архетипом и т.д., например, я — писатель, я — отец, я — человек, в лингвокультурологии — это процесс достижения тождества с собой, или самоотождествление» [7. С. 29].

В вопросе самоидентификации интервью — это презентация себя как личности. Методологической основой для определения самоидентификации писателя можно считать работу С.Н. Есина «Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации», в которой он детально анализирует разные подходы к самоидентификации различных писателей (начиная с Августина Блаженного, Ж.-Ж. Руссо и заканчивая современными писателями). «Писатель — некая сущность, которую нужно выделить и охарактеризовать как-то помимо биографических данных, характеристики обыденных, эмоциональных и других проявлений конкретного писательского дара... Подобного рода самоанализ следует выделить в особую проблему и определить ее термином, подчеркивающим специфическую направленность, векторность самоанализа, осуществляемого писателем как писателем. Таким термином вполне закономерно становится писательская самоидентификация» [1. С. 22].

Таким образом, С.Н. Есин «делает попытку» (по его собственному замечанию) вывести определение писательской самоидентификации в собственном писательском тезаурусе.

«Писательская самоидентификация, — пишет С.Н. Есин, — это зафиксированная в тексте рефлексия писателя над своей особостью: кто я? каков мир? какое место я в нем занимаю? и какое среди людей? что я им хочу сказать? в чем мой талант? каково мое отношение к слову и к литературе? как я вижу, слышу, чувствую, мыслю? и какими способами перевожу это в слова и в произведения? чем отличаюсь от других писателей? что меня с ними сближает? писательство — это какая-то отдельная сущность во мне (чужой голос — Бога, дьявола, вселенной) или моя неотъемлемая часть? в чем моя писательская сила? слабость? и смогу ли...» [1. С. 9]. «... Специфика писательской самоидентификации не сводится только к содержанию — рефлексии над особенностями дара словесного творчества, но имеет отношение и к форме — письменной фиксации этой рефлексии. Потому что иначе, без перевода с языка мыслей и ощущений на язык словесных формул, она малодоступна размышляющему и вовсе недоступна для исследования... Применительно к фигуре писателя в теории литературы такая самоидентификация позволяет раскрыть бытие писателя в писателе» [1. С. 17]. Итак, у С.Н. Есина приводятся довольно подробные и конкретные рассуждения о понятии «писательская самоидентификация» в собственно писательском творчестве. Это, безусловно, большое и важное исследовательское направление в литературоведении.

Но напрашивается вопрос: а возможно ли в процессе беседы с писателем, т.е. в интервью, достичь самораскрытия его личности и творческой мастерской на таком уровне и глубине, которые позволили бы говорить о самоидентификации писателя? Конечно, вряд ли можно вести речь об этом факте как о чем-то само собой разумеющемся. Далеко не каждый писатель способен раскрыть себя перед читателем, обнажить свою душу, пустить в творческую мастерскую. Более того, скорее речь стоит вести об единичных примерах такого самораскрытия. Безусловно, такое явление не может быть типичным, ибо писатель в сущности своей — «сказочник» (по словам Бориса Хазанова), его произведения — «...сотворение мифа о жизни...» [8. С. 36].

Что же необходимо знать интервьюеру при подготовке к беседе с писателем? Какие глубинные сведения о психологии творческой личности и собственно личности писателя важно постичь интервьюеру, прежде чем решиться на «самоидентификационное» интервью?

Обратимся к примеру: интервью с Умберто Эко (2001). Журналист задает вопрос из разряда вопросов «в лоб»:

— А Вы нравитесь себе самому?

— Нет, мне мое лицо не нравится, больше Ваше. Мне всегда больше нравились другие [9. С. 47].

— Слово, которое Вам нравится.....

— Сигарета. Быть может, она убьет меня, но она помогает мне пережить интервью.

— Тогда закурю и я, сеньор Эко, Эко... Откуда идет это Эко?

— Мой друг нашел список высказываний, которые... использовались иезуитами, для того чтобы дать имя найденышам. Одно из них было “*excelsis oblatos*”, что означает дар неба, отсюда и происходит Эко — имя, которое дали моему деду, поэту-трубадуру, без отца. Значит, и я дар неба, который, полагаю, люди смогут оценить [2. С. 35].

Подобный стиль интервьюирования, думается, способен «расположить» к себе собеседника, привести к свободному общению, искренности, «свойскости», простоте и доверительности. За обыденными на первый взгляд словами кроется глубинное содержание разговора. В характере писателя (имеются в виду его профессиональные свойства) всегда есть желание что-то узнать о себе. Как это делается? Наверное, уже не требует доказательства, что писатель не просто «списывает» мир и все окружающее, ведь практически и списать-то невозможно, потому что прикосновение к слову, расстановка слов в определенном порядке уже несет некий субъективный смысл. Творчество писателя базируется на соединении его собственных сновидений и обрывков той объективной реальности, которую ему удалось охватить, — реальности, прошитой фантазиями. По своему характеру и образу деятельности писатель склонен к рефлексии, к излишним вопросам не только относительно самой материи, не только относительно словесной данности, но и по поводу того, из чего эта данность состоит и как эта данность трансформируется в процессе творчества. Обычно писатель остро ощущает собственное творчество, позывы к нему и мотивы, которые он сам не всегда может обосновать. Почему так или иначе? Что диктует тот или иной эпитет?.. Писатель рано задает себе вопрос: как это все получается? Всем известно хрестоматийное замечание Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как подорожник у забора, как лопухи и лебеда...» Но ведь не только из сора. В строительство идет и философия, и последние достижения филологии, и отголоски политических дискуссий, и художественных мнений, наконец, даже ошибки и оговорки жизни могут стать определенными ходами и ступенями творчества.

Есть суждения некоторых писателей о «кухне» своего творчества, которое предполагает всегда особое знание писателя-теоретика и имеет определенное значение и для науки, и для литературы. «Никогда не принимайте на протокольную веру ничего из того, что описывает писатель... Не путайте его с журналистом, — предостерегает Дина Рубина, — ...художественную ткань надо трогать осторожно. Она расползается при вынесении из контекста... И никогда не считайте, что писатель описывает свою жизнь...» [5. С. 19—20]. В одном из последних интервью Дина Рубина продолжает эту тему. Вот пример из интервью «ЛитАкадемии» от 31 января 2011 года:

Корр. — Как Вы считаете, имеет ли значение натура писателя, его характер? Иными словами, можно ли быть плохим, злым человеком в жизни и успешным, читаемым, любимым публикой автором?

Д.Р. — Сколько угодно! Никто из писателей не был душкой. И работа вредная, и талант благодушествовать не велит, и писательское зрение достается обычно людям острым и не добреньким. Помните, у Набокова: «Господин со слишком добрыми для писателя глазами»? Никто из известных русских писателей не был так называемым «хорошим человеком» — в общепринятом смысле этого понятия. Издержки профессии [4. С. 19].

И еще — о самоидентификации «я — писатель» в этом же интервью:

Корр. — Как вы ощутили себя настоящим писателем?

Д.Р. — ...Тут ведь совершенно неважно — понимает ли что-то автор о «качестве» своей литературы, или нет. Если он считает, что должен писать всегда, что бы ни

случилось, будут или не будут печатать его произведения, значит, он решил, что его профессия — писатель [5. С. 21—22].

Чрезвычайно интересной представляется манера интервьюирования с целью самораскрытия конкретного автора у Юрия Нагибина. Безусловно талантливый писатель сам по себе, Ю. Нагибин был и талантливейшим журналистом. Его «Голландия Боба ден Ойла» являет собой образец публицистического портрета совсем «необщительного» писателя. Поставив цель написать очерк о Бобе ден Ойле, молодом голландском писателе, Нагибин максимально использует главное качество хорошего писателя — наблюдение за объектом. Собирая по крупницам скудные слова своего респондента, он создает поистине шедевр психологического портрета писателя, который всячески избегал какого-либо общения и публичности. «Одиночество и его преодоление» — так определяет Ю. Нагибин главную «тему» жизни писателя Боба ден Ойла.

«Был ли счастлив Боб ден Ойл, осознав литературу как единственную цель в жизни, — не знаю. Да и бывают ли вообще счастливые писатели? Я имею в виду не тех, кто, поплеывая, заполняют бумагу словами, а тех, для кого непосильное занятие литературой — рок» [3. С. 209]. «Иные писатели ломаются, „интересничают под абсурд“, пронизательный взгляд легко обнаружит подделку, но этот способ литературного изображения мира может быть естествен, как дыхание, органичен, как почерк, и, как почерк, связан со всей сутью человека» [3. С. 208].

Создатель художественного текста, творящий собственную реальность, постоянно идентифицирует мир в его различных проявлениях, равно как и читатель-реципиент предпринимает попытку идентификации и художественного текста, и реальной писательской личности на основе конструируемого в тексте образа повествователя, рассказчика, автора.

«К сожалению, разговора не получилось... Боб... притемнелся, замкнулся, а там и вовсе уполз в свою раковину, и вытащить его оттуда не было никакой возможности» [3. С. 210]. И все-таки Нагибин использует весь арсенал человеческого и писательского дара, чтобы «разговорить» ден Ойла, увидеть, точнее — разглядеть его личностную сущность. «Боб ден Ойл — настоящий мужчина, он напрягается всем своим телом, всей своей гордой душой для самозащиты от сочувствия, упаси боже, от жалости и даже от ничем не обидной симпатии, он готов дать решительный отпор любой бесцеремонной попытке толкнуться в его храм... Он дергается при каждом моем вопросе, в серых глазах проблескивает если и не возмущение, то резкий протест свободного гражданина, не желающего давать кому-либо отчет о своих поступках, тем более в мыслях, потом спохватывается, добрая, слабая улыбка косит рот, и он выфыркивает ответ, сплетая длиннющие пальцы на худом колене, хрустит суставами, сводит узкие плечи, словно собираясь пролезть в игольное ушко, и вдруг откидывается в кресле и устремляет взор мучимого на кресте Себастьяна к потолку, как к небу. А порой он огрызается. Он не дает спуску настырному допросчику и, похоже, очень доволен прочностью своей обороны.

Я сам отлично сознаю, сколь несовершенен, убог мой метод. Старая поговорка гласит: чтобы человека узнать, надо с ним пуд соли съесть. И это — о простом, бытовом, открытом, ничуть не зашифрованном человеке. А чтобы узнать художника,

натуру сложную, противоречивую, не желающую раскрываться, все время скрадывающую себя в защитный панцирь, сколько надо съесть соли?... но разве дано мне время, чтобы терпеливо выследить этого пугливого оленя. Потому и вынужден я ломиться напролом, хотя прекрасно знаю, что это наихудший способ...» [3. С. 206—207].

Здесь важно увидеть пути работы интервьюера для самораскрытия писателя, т.е. для его самоидентификации. И в этом смысле, думается, Ю. Нагибин может считаться «идеальным» интервьюером, несмотря на его собственную критичность к себе как к собеседнику. «...Стремление к искренности в процедуре самоидентификации неожиданно наталкивается на сопротивление... Нельзя не заметить стремления выстроить подобие автомифа... самоидентификация становится выстраиванием себя как литературного персонажа — и это не индивидуальная особенность автора, а, видимо, общее свойство писателя как такового, один из его существенных признаков. Всякий писатель конструирует „автомиф“, легенду о себе, позволяющую ему пребывать в двух ипостасях: человека со своей судьбой и — писателя», — пишет С.Н. Есин.

Тема самоидентификации писателя в интервью, думается, выстраивается по тем же правилам. Главное — это особое умение журналиста, способствующее самораскрытию писателя в диалоге. В таком интервью (писатель — журналист) есть своя специфика: так называемая имитация диалога. Журналист только умело направляет беседу, а говорит, по сути, только писатель. И от того, насколько сумеет журналист создать благоприятную атмосферу для такого рассказа-самораскрытия, зависит конечный результат.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Есин С.Н.* Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 2006. — С. 22.
- [2] *Нагибин Ю.* Голландия Боба Ден Ойла // *Иностранная литература.* — 1977. — № 4. — С. 209.
- [3] *Рубина Д.* Портрет на фоне русскоязычных писателей и Франца Кафки // *Наш современник.* — 2008. — № 17. — С. 19—20.
- [4] *Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др.* — М., 2003. — С. 67.
- [5] *Фокина К.В.* Самоидентификация личности как основа моделирования аксиологической картины мира // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* — 2009. — № 117. — С. 29.
- [6] *Хазанов Б., Джонс Глэд.* Допрос с пристрастием. Литература изгнания. — М.: Захаров, 2001. — С. 36.
- [7] *Эко У.* Мне не нравится, что они сомневаются в моей власти // *Иностранная литература.* — 2001. — № 10. — С. 47.
- [8] *Эко У.* Под сетью // *Искусство кино.* — 1997. — № 17. — С. 35.

LITERATURA

- [1] *Esin S.N.* Pisatel' v teorii literatury: problema samoidentifikacii: Diss. ... dokt. filol. nauk. — M., 2006. — S. 22.
- [2] *Nagibin Ju.* Gollandija Boba Den Ojla // *Inostrannaja literatura.* — 1977. — № 4. — S. 209.

- [3] *Rubina D.* Portret na fone ruskojazychnyh pisatelej i Franca Kafki // *Nash sovremennik*. — 2008. — № 17. — S. 19—20.
- [4] *Sociologija: Jenciklopedija* / Sost. A.A. Grishhanov, V.L. Abushenko i dr. — M., 2003. — S. 67.
- [5] *Fokina K.V.* Samoidentifikacija lichnosti kak osnova modelirovanija aksiologicheskoj kartiny mira // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gerchena*. — 2009. — № 117. — S. 29.
- [6] *Hazanov B., Dzhon Gljed.* Dopros s pristrastiem. Literatura izgnanija. — M.: Zaharov, 2001. — S. 36.
- [7] *Jeko U.* Mne ne nravitsja, chto oni somnevajutsja v moej vlasti // *Inostrannaja literatura*. — 2001. — № 10. — S. 47.
- [8] *Jeko U.* Pod set'ju // *Iskusstvo kino*. — 1997. — № 17. — S. 35.

ON A QUESTION OF THE WRITER'S SELF-IDENTIFICATION IN INTERVIEW

V.V. Kochergina, I.A. Kochergina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

Interview of the writer is always an interpretation of his creativity. It is interesting both to the author, and the reader. Investigating a problem of self-identification of the writer, the authors of article analyze various approaches to dialogue with the writer where the purpose of interview is self-disclosure of the creative person.

Key words: self-identification, interview, creative person, methodology, reflection, creative workshop, automyth, dialogue imitation.